

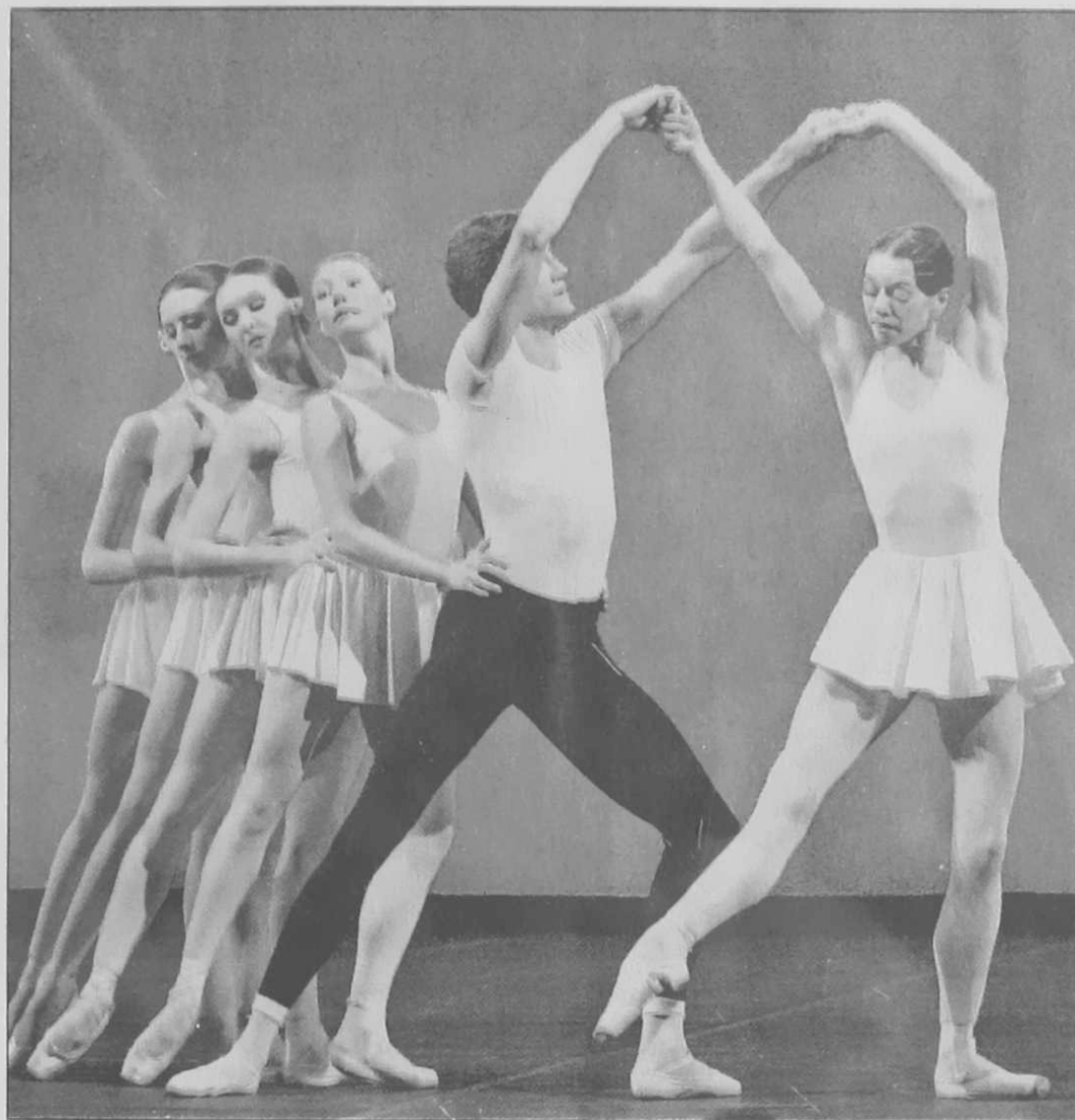
Средневзвешенный мистер Би

Большой театр отметил юбилей Джорджа Баланчина

Светлана НАБОРЩИКОВА

К вечерам, посвященным 100-летию великого хореографа, первый театр России подготавливался основательно. Посетителей потчевали не только балетом, но и выставкой в Белом фойе. Бархатным канатом огородили костюмы из постоянной экспозиции New York City Ballet, в том числе колет Барышникова из «Рубинов». По стенам развесили несколько десятков фотографий Пола Колника, главного фотолетописца NYCB, благословленного на эту деятельность мистером Би. Сам фотограф, плотный брюнет с сумрачным мефистофельским взором, бродил по залу, наблюдая за реакцией посетителей, как правило, восторженной. Еще бы, на снимках фигурировали лучшие баланчиновские солисты разных лет — Барышников, Фаррелл, Мартинс, Хьюббе, Кистлер, Ковровски: сплошное торжество фигур, лиц и поз. Оставалось только удивляться смелости руководства Большого, не побоявшегося подставить собственных артистов. Нетрудно было предположить, что, налюбовавшись красотами NYCB, зрители начнут сопоставлять фото со сценой, и Бог знает, насколько неслестными для БТ могли быть эти сравнения.

К счастью, театр не слишком себе навредил. В баланчиновской программе («Кончерто барокко», «Па-де-де Чайковского», «Агон», «Симфония до мажор») Большой балет выглядел достойно. Ровно, спокойно и, несмотря на отдельные технические помехи, аккуратно. Похоже, главное, на что ориентировали артистов репетиторы, — корректно исполненный текст, освоение чистописа-

ния. Этакий средневзвешенный Баланчин. Пресновато, но для нервной обстановки премьеры простительно.

Начали с «Кончерто барокко» на музыку двойного скрипичного концерта Баха. К черно-белой композиции для двух солисток, солиста и женского ансамбля интерес был особый: в отличие от остальных балетов труппа нико-

гда его не исполняла. Простой на вид текст на самом деле архисложный, поскольку Баланчин соединил на первый взгляд несовместимые музыку и хореографию — четкий квадрат с квадратом завуалированным, акцент на сильную долю с синкопой, а в итоге — экспрессивную трагичку барокко с непринужденно легкой джазовой манерой.

Получилось шутливо о серьезном — состояние типичное для Баланчина, не любившего грузить зрителей. Воспроизвести его не удалось, но винить артистов рука не поднимается. Времени на освоение совершенно новых ощущений им и балетмейстеру-постановщику Адаму Людерсу было отпущено в обрез, меньше месяца. Кстати, тот же Лю-

дерс, работая не торопясь в Пермском театре оперы и балета, сделал с тамошними танцовщиками отличное, стильное, вполне джазовое «Кончерто». Остается надеяться, что и девушки Большого доберут в процессе.

Впрочем, если не знать, что такое настоящее «Кончерто», московский вариант смотрелся приемлемо, пусть и тяжело-весно. Тяготили очень медленные темпы, особенно в дуэте Largo. Физически ощущалось, как скрипачам Инне Ли и Владимиру Скляревскому хотелось двинуться вперед, а дирижер Александр Титов их сдерживал, потому что Анне Антоничевой, танцевавшей партию первой солистки, требовалось вытянуть конечности. Поддержку «маятник» пара Антоничева—Ринат Арифиллин исполнила с такой натугой, что впору было остановить оркестр и дать партнерам отдыхать. Знаменитые ноги, за которые Анну вывели в балерины, сыграли с ней злую шутку. Она привыкла ими петь, а у Баланчина ногами требуется быстро и четко говорить. Так, как это делала вторая солистка — Наталья Выскубенко. На вкус гурмана девушка могла показаться напористой и грубоватой, но именно она вдохнула жизнь в стерильное столченное «Кончерто».

Жизнь и страсть — вот чего катастрофически не хватало нашему Баланчину. Те же «Агон» и «Симфония до мажор» на летних петербургских гастролях New York City Ballet не давали откинуться на спинку кресла. От витальности, которую излучали американцы, мурашки бегали по коже. Московский мистер Би позволил расслабиться и даже вздремнуть. Хотя, к чести артистов, в каждом балете случались сюр-

призы, заставлявшие открывать глаза. В «Па-де-де Чайковского» появился Сергей Филин. Во имя стиля премьер умерил желание прыгать по-московски, то есть как можно мощнее и выше, и хорошо скопировал скользяще-элегантную, бальную манеру баланчиновских танцовщиков. В «Агоне» центральными фигурами были точный, собранный Ян Годовский и Екатерина Шипулина, опровергнувшая расхожее мнение об отсутствии характеров у Баланчина. В паре с Русланом Скворцовым она танцевала один из самых эротичных дуэтов балетной истории и, не отклоняясь от текста, вылепила образ великолепной стервы. В «Симфонии» блистали безукоризненная профессионалка Надежда Грачева и заслуженная, еще с Мариинки, баланчинистка Светлана Захарова. Правда, наслаждаться линиями примы-балерины мешал партнер Александр Волчков. Странно, что руководство решило соединить артистов, столь явно не совпадающих по пропорциям. Длинноногая Захарова с коротконогим Волчковым выглядели парой скорее комической, нежели романтической. Выручила молодая гобоистка Софья Беляева, не давшая разрушить возвышенный настрой дуэта. Свое соло она исполнила замечательно — без ненужного пафоса, нежным, истаявающим звуком. Оркестр, который, по мысли Баланчина, должен быть равноправным партнером танцовщиков, им и был. Играл так, как танцевали — ни провалов, ни всплесков. Ощутимой радостью, кроме гобоя Сони, стал чисто исполненный «Агон», на котором в летних гастролях NYCB обломал смычки и мундштуки мариинский оркестр.

Русский курьер, 2004, 15 марта, с. 8